

УДК 821.161.1 : 801.6

**КОД ЗАГЛАВИЯ В РОМАНЕ ТИМУРА КИБИРОВА
«ЛАДА, ИЛИ РАДОСТЬ»**

Н. В. Семенова

Тверской государственный университет
кафедра теории литературы

В статье рассматривается потенциал заглавия и определяются стратегии чтения «набоковского» романа Тимура Кибирова «Лада, или Радость».

Ключевые слова: *метаповествование, заглавие, постмодернизм, постмодернизм, пародия, В. В. Набоков*

В начале помещенной в интернете рецензии на роман Тимура Кибирова «Лада, или Радость» читаем: «Есть у Набокова книга «Ада и страсти», в которой главная героиня – женщина и речь идет о любви, самой обычной, земной. У Кибирова главная героиня – собака и речь тоже о любви, но любви возвышенной. И, судя по всему, такое совпадение не случайно» [9]. Оставляя в стороне, что ни в одном из переводов роман Набокова не имеет названия «Ада и страсти» и что действие романа происходит на *Анти*терре, заметим, что обстоятельство это далее никак не комментируется, так что можно предположить, что речь идет о бессознательном заимствовании – реминисценции, семантический потенциал которой, по определению, не велик.

Впрочем, Тимур Кибиров сам в своем метаповествовании выступает одновременно и как писатель, и как критик, пресекая, таким образом, изначально посторонние критические усилия. И первое, что подвергается в романе осмыслению, – это двойное заглавие, вернее, первая его часть. Уже во второй главе раздается «голос» гипотетического читателя: «А с каких это шей, Тимур Юрьич, заглавная героиня носит такое странное, отчасти славянофильское имя?» [2, с. 12] К этому моменту читатель уже успел оправиться от изумления, обнаружив, что «лирическое песнопение» является, собственно, переложением на человеческий язык «лая и визгов» главной героини – собаки Лады:

Ту, кого целовала ты, миловала,
И пускала тайно под одеяло,
Для кого запах кожи твоей дороже
Благовоний рая!

Вспомяни же, с другом другим играя... [2, с. 6]

Опровергнув сразу подозрение в славянофильстве («Нет, милый читатель! Ничего такого Лада не означает!» [2, с. 12]), автор, как истинный постмодернист, проводит читателя по цитатным отсылкам: Лада никак не связана «с популярной некогда песней (музыка Шаинского, слова Пляцковского) или с мало популярным автомобилем» [2, с. 12]. Ладой назвала бездомную собачку пятиклассница Лиза Харчевникова, зачитывавшаяся эпопеей Буй-Тура Воеводина «Воительницы Лукоморья», где имя это носила одна из «облаченных, судя по обложке, в бронированные бикини, славяноросских валькирий» [2, с. 13], обладавшая «удивительной способностью обращаться из натуральной блондинки то в белоснежную степную кобылицу, то в белокрылого сокола или среброкрылого лебедя, а то и в белокурую

(sic!) волчицу» [2, с. 13]. Вот это обстоятельство и определило кличку «не менее белокурого собачьего подростка» [2, с.13]. В подтверждение этой версии глава, где Лада вступает в схватку с волками, имеет название «Последняя битва воительницы Лукоморья».

То, что автор лукавит, становится ясным из помещенного в сноску 13-ой главы комментария: «Тут я хотел бы, кстати, обратить внимание читателей на то, что название моей хроники никак не связано с неведомым мне сочинением Гертруды Стайн «Как была у тетки телка. История любви». Я о существовании этого текста, по-моему, еще не переведенного на русский язык, узнал совсем недавно из единственной книги этой знаменитой писательницы, которую я, надо сказать, с большим изумлением и безо всякого удовольствия, прочел, – «Автобиография Алисы Б. Токлас». Источник моего не очень благозвучного названия находится гораздо ближе к русской классической литературе» [2, с. 101].

«Ближе к русской литературе» – это, конечно, не о А. С. Пушкине с его Лукоморьем. Поиски предполагаемого источника заглавия приводят к В. В. Набокову. Набоков, культовый писатель советской и российской интеллигенции, появляется в романе в анекдотической истории с водопроводчиком, принявшим фотографию пожилого писателя в пенсне за Берию. С Набоковым автор вступает в полемику относительно задач искусства и прогресса в искусстве. В полицитатном романе особый пласт образуют цитаты из набоковских произведений (Мак-Фатум и другие), и заглавие – одна из них.

Подсказку содержит сопряжение антропонимов Лада и Ада, совершенно по-набоковски расположенных на соседних страницах книги, выпущенной в издательстве «Время»: на 12-ой странице упомянута Лада Владиславовна Афолина, «работодательница и подружка» [2, с. 12] автора, а на 13-ой – Ада Минглет – «выпускница Литинститута, популярный ди-джей радио «Отрыв» и колумнистка нескольких периодических изданий» [2, с. 13], к тому же пишущая под «грозным» псевдонимом Буй Тур Воеводин. О Ладе Владиславовне Афолиной судить не представляется возможным, а Ада Минглет явная мистификация, как и название радиостанции, почерпнутое из лексикона ди-джеев: «муз-отрыв», «хит-отрыв» и т. д. Именная аллюзия отсылает к названию романа В. В. Набокова «Ада, или Страсть» [4], что еще более очевидно в переводе Сергея Ильина – «Ада, или Радости страсти» [7, т. 4].

В. НАБОКОВ «Ада, или Радости страсти: семейная хроника» [7, т. 4] (в другом переводе «хроника одной семьи» [4].)	Т. КИБИРОВ «Лада, или Радость. Хроника верной и счастливой любви» [2].
--	--

На этой схеме видно, что и лексически, и синтаксически, и графически заглавие Тимура Кибирова повторяет заглавие романа Набокова.

О причинах изменения набоковского заглавия в русском переводе (не «Страсть», а «Радости страсти») можно высказать следующее предположение. При транслитерировании английского заглавия «Ada, or Ardor» получаем следующее написание, где все буквы в слове «Ардор» составляют неполную анаграмму слова «радость» – РАДО.

«Ada, or Ardor»

«А Д А, о р А Р Д О Р» (Р А Д О С Т Ь)
--

В то же время записанное кириллицей имя Ада однозначно анаграммируется как «АД». Набоков часто использует в «Аде» прием языковой игры, так что перевод С. Ильина кажется конгениальным набоковскому заглавию. Отметим также, что на фонетическом уровне оба компонента английского заглавия [6] оказываются практически идентичными (это омофоны), что имеет следствием их смысловое тождество: Ада – это страсть.

ADA [a:də]

ARDOR [a:də]

В этой логике возникают еще два «перекрестных» заглавия, где попеременно записанные кириллицей левый и правый компоненты эксплицируют подтекст.

ADA = РАДОСТЬ

АД = ARDOR (СТРАСТЬ)

Первый вариант коррелирует с заглавием романа Тимура Кибирова «Лада, или Радость», второй – полемичен по отношению к нему, так как «страсть» у Набокова – это измены, инцест и разлуки героев Ады и Вана. Перевод заглавия Оксаной Кириченко - «Ада, или Эротиада» – [5] также содержит подтекстные значения, соединяя в слове «Эротиада» ад и страсть (эрос). В классификации Б. П. Иванюка заглавие романа Набокова – подтекстное, а заглавие романа Тимура Кибирова – интертекстуальное [1].

У Тимура Кибирова цитата в заглавии – сильной позиции текста – коррелирует с набоковской цитатой в последнем абзаце романа. Но если начало романа «Лада, или Радость» отсылает к «Аде», то финал столь же очевидно – к «Лолите».

В финале романа «Лолита» Гумберт Гумберт прощается со своей любовью, а автор – на метатекстовом уровне – со своей заглавной героиней и книгой: «И это – единственное бессмертие, которое мы можем с тобой разделить, моя Лолита» [7, т. 2, с. 376]. В «Эпилоге» романа «Лада, или Радость» автор прощается со своими героями и обещает им бессмертие: «Ну а Александра Егоровна с Ладой, они-то будут жить долго и счастливо.

И вообще не умрут.

Никогда.

Потому что...

Ну потому что какое нам-то, в сущности, дело, что все обращается в прах. И над сколькими еще безднами предстоит нам с тобою бродить и верить, коченеть и петь» [2, с. 190]. Этот пассаж говорит о том же, о чем финал «Лолиты» – о «спасении в искусстве»: «Говорю я о турах и ангелах, о тайне прочных пигментов, о предсказании в сонете, о спасении в искусстве» [7, т. 2, с. 376].

Последние фрагменты романов похожи синтаксически (попарное объединение однородных членов) и ритмически. У обоих авторов имеет место затемненность смысла, содержащая намек на какое-то иное измерение – «потусторонность» искусства.

Как вариант цитаты в сильной позиции текста можно отметить слово «Конец», которым завершается роман Тимура Кибирова (такое же формальное завер-

шение имеет «Лолита» Набокова). Слово *конец* у обоих авторов выступает как момент иронии по отношению к завершенности художественного текста, ведь отраженная в романе жизнь не знает завершения. В отсутствии четко обозначенных начала и конца названия обрамляющих глав – «Интродукция» и «Эпилог» – вполне условны, а сам роман Тимура Кибирова напоминает «свободный роман» – «произвольно вырезанный кусок произвольно выбранной жизни» [3, с. 76]. Эту уникальную структуру создал А. С. Пушкин в «Евгении Онегине» и повторил В. В. Набоков в «Даре». Заметим, что «Дар» упомянут в романе «Лада, или Радость» вместе с «Приглашением на казнь» и «Бледным пламенем»: «И между прочим, когда читаешь (и пока читаешь) «Дар» или «Приглашение на казнь» или «Pale fire», ты и сам готов в это поверить – в смысле, что лучше уже и быть ничего не может, и последующим поколениям писателей остается только, как сказал бы Жора, «курить в сторонке» [2, с. 140].

Ослабление сюжетности – еще одна характеристика «свободного романа». Известно заявление Набокова о том, что героиня «Дара» «не Зина, а русская литература» [7, т. 4, с. 50]. С еще большим основанием можно сказать, что героиня романа Тимура Кибирова не Лада, а русская поэзия. Автор ни на минуту не дает забыть читателю, что он прежде всего поэт и хотел бы своего читателя к поэзии приохотить. Что касается сюжета, то в него можно верить (а к каким-то событиям, как утверждает автор, он прямо причастен), но проницательный читатель больше поверит авторскому свидетельству в главе «Неосуществимая коза»: «Вот я говорю честность, а ведь будь я действительно, на все сто процентов, честен, то признался бы, хотя бы себе самому, что ведь и пенсионерок, и задиристых продавщиц, и даже глупых хулиганов, собутыльников и сослуживцев моей жалкой юности, я совсем не знаю, души их для меня непроницаемые потемки, признался бы честно и оставил бы трудоемкие и нерентабельные попытки запечатлеть их и сделать живыми и правдоподобными» [2, с. 102].

Однако, вопреки авторскому признанию, герои в романе выходят «как живые», и достигается это приемом, который отметили Ю. Н. Тынянов и Ю. М. Лотман в «Евгении Онегине». В «свободном романе» – романе, воспринимаемом как жизнь, в особом положении оказываются литературные герои: их мнимая *реальность* воспринимается на фоне их подчеркнутой *литературности*. Герои «многократно сопоставляются, отождествляются, противопоставляются определенным традиционным персонажам» [3, с. 85–86]. При этом, как отмечал Лотман, «поведение различных персонажей строится совсем неодинаково»: на главных героев в «Евгении Онегине» надевается ряд литературных масок, а герои второстепенные «руководствуются <...> социокультурным стереотипом» [3, с. 89].

В «Даре» этот принцип построения образа, мера условности, еще возрастает. Тынянов писал о «свободных двупланных амплуа» онегинских героев [10, с. 156]. В «Даре» можно говорить уже о трехпланных амплуа и четырехпланных. В полицитатном романе Тимура Кибирова главные персонажи (и некоторые второстепенные) имеют множество двойников. Нет их только у Сапрыкиной, Юлика и родителей Лизы Харчевниковой (сама же Лиза – «капитанская дочка», «беденькая Лиза» с Дальнего пруда). Прочие персонажи встраиваются в длинные ряды литературных и нелитературных соответствий:

Лада // Ада // Беатриче // Ромео // собака Баскервиллей // арап Петра Великого // Наташа Ростова // Айвенго // Осип Мандельштам // Лаокоон.

Александра Егоровна // Пушкин // Татьяна Ларина // Данте // Джульетта // Наталья Николаевна Пушкина // крошечка-хаврошечка // «мать Ивана» из повести Валентина Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана».

Жора // Терминатор I // историк Радзинский // Ноздрев-Хлестаков // Берти Вустер из комических романов П. Г. Вудхауза // мистер Свивеллер персонаж «Лавки древностей» Диккенса // Барт Симпсон из мультсериала «Симпсоны» // «парнишка» из стихотворения Одена «Щит Ахиллеса» // Дантес // Тарас Бульба // Петрушка, Рататуй (театральные маски) // Владимир Высоцкий.

Чебурек // индеец-аутист из кинофильма «Пролетая над гнездом кукушки» // «чудище» из «Аленького цветочка» Бажова // Хоттабыч // Али-баба из кинофильма «Джентльмены удачи» // Ахмадшах Масуд // Бюль-бюль Оглы // Радж Капур // гурон // меджнун.

Автор Тимур Юрьевич Кибиров // Ленский // Манилов.

Гогошин // «молодой моряк» // «черноморский наш герой» // Пушкин.

Вдова-клиторша // героини Марецкой и Мордюковой.

В результате количество амплуа и их несообразность разрушают прием, создают комический эффект, заставляя само жанровое определение «свободный роман» заключать в иронические кавычки.

Пародийных двойников можно отыскать и за пределами цитатных рядов. Пародийный двойник Набокова – Берия, автора – «стихийный постмодернист», хулиган Жора. При этом рефлексия относительно самой природы романа в главе «Все еще ретардация» передоверяется читателю, что создает привычную для русской литературы ситуацию – критик и поэт. Читатель опровергает постулат о постмодернистском романе как симбиозе массовой и высокой литературы: «ну не удастся уже никому совместить дедушку Крылова и, скажем, Себастьяна Найта» [2, с. 143]. Между тем, автору удастся осуществить то, что его оппоненту-читателю представляется невозможным: соединить «асадовских старушек и собачек» с «цитатными оргиями и стилизаторскими вакханалиями» [2, с. 143], но соединить как-то не всерьез. Профанный читатель роман читать, скорей всего, не будет (как было написано о книге в интернете: «Не советую читать ее всем, только тем, кто любит стихи, притом стихи Тимура Кибирова» [10]).

А для остальных заглавие в ретроспективном осмыслении получает дополнительную функцию, задавая направление интерпретации: если «Ада» Набокова – это пародия на роман, то «Лада» – постмодернистский роман, пародия на пародию. И, как всегда в таких случаях, выбор стратегии чтения остается за читателем.

Список литературы

1. Иванюк Б. П. О текстовой относительности заглавия [Электронный ресурс]. URL: <http://science.rggu.ru/article.html?id=66064> (Дата обращения: 28.08.2014).
2. Кибиров Т. Лада, или Радость. Хроника верной и счастливой любви. М.: Время, 2010. 196 с.
3. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988. 352 с.
4. Набоков В. В. Ада, или Страсть. Хроника одной семьи. Киев: Аттика; Кишинев: Кони-Велес, 1994. 608 с.
5. Набоков В. В. Ада, или Эротиада. Семейная хроника. М.: АСТ, 2000. 608 с.
6. Nabokov V. Ada, or Ardor: A Family Chronicle. N. Y.: McGraw-Hill, 1969. 445 p.

7. Набоков В. В. Собрание сочинений. Американский период: В 5 т. СПб.: Симпозиум, 1996–2000. Т. 2. 1996. 672 с. Т. 4. 1997. 672 с.
8. Набоков В. В. Предисловие к роману «The Gift» // В. В. Набоков: pro et contra. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1997. С. 49–51.
9. Рец. на книгу «Лада, или Радость» [Электронный ресурс]. URL: [bookmix.ru > review.phtml?rid=54473](http://bookmix.ru/view.phtml?rid=54473) (Дата обращения: 28.08.2014).
10. Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М.: Наука, 1969. 423 с.

CODE TITLE IN THE NOVEL T. KIBIROV "LADA, OR JOY"

N. V. Semenova

Tver State University
The department of theory of literature

The article discusses the potential of the title and determined strategy of reading Nabokov's novel Timur Kibirov "Lada, or Pleasure".

Key words: *metanarrative, title, post-modernism, postmodernism, parody, V. Nabokov*

Об авторе:

СЕМЕНОВА Нина Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории литературы Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: ninasemenova@yandex.ru.